

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО СУБЪЕКТА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАКРО- И МИКРОСТРУКТУР ИДЕОЛОГИИ

Гордок Павел Юрьевич,

студент,

департамент философии Уральского гуманитарного института

Уральского федерального университета

имени первого президента России Б.Н. Ельцина,

Россия, 620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51

ORCID: 0000-0001-9832-537X

gordok.kostanay@gmail.com

Аннотация

Неолиберализм может пониматься и как практика управления, организованная вокруг экономических норм конкуренции, гибкости, расчета рисков, и как техника формирования и преобразования способов субъективации. Две предложенные трактовки оказываются в тесной взаимосвязи друг с другом: институции, фиксирующие неолиберальные дискурсы, становятся отправной точкой формирования особой субъективности – человеческого капитала. С помощью идеи человеческого капитала неолиберальная теория стремится преодолеть марксистскую дихотомию между трудом и капиталом. При этом труд понимается предельно широко: даже дорефлективные поведенческие проявления (например, сон) включаются в понятие человеческого капитала. Целью настоящей статьи является анализ и критика образа жизненного мира неолиберального субъекта. Жизненный мир понимается как область повседневной деятельности человека, в рамках которой задействуются допредикативные ресурсы «здорового смысла». Автор использует интегративный подход, объединяющий теорию идеологии и исследования повседневности. Данный подход позволяет обнаружить точки соприкосновения макро- и микроструктур идеологии. В качестве основного источника содержательной составляющей теории неолиберализма используется цикл лекций М. Фуко «Рождение биополитики». Критика жизненного мира неолиберального субъекта осуществляется посредством онтологической аргументации Люблянской школы психоанализа. Призывающий к неограниченному наслаждению императив неолиберальной этики отчетливо явлен в способе бытия потребительских товаров. Ряд товаров существует в качестве отрицания своей собственной идеи: например, безалкогольное вино – это отрицание самой идеи вина. В этом смысле на-

слаждение лишается каких-либо преград, но, что не менее важно, сам процесс его получения становится смыслом-в-себе, получающим институциональную поддержку. Наслаждение связано со структурообразующим отсутствием объекта желания, в связи с чем в критическом анализе идеологии актуализируется категория отчуждения. Преодоление неолиберальной субъективности возможно только при условии принятия принципиально-го разрыва (отчуждения) в качестве онтологического основания человека – такая позиция именуется объектно-дезорientированной онтологией.

Ключевые слова: неолиберализм, неолиберальная субъективность, правительственность, повседневность, идеология, дискурс, агентность, наслаждение, объектно-дезорientированная онтология.

Библиографическое описание для цитирования:

Гордок П.Ю. Повседневность неолиберального субъекта: взаимодействие макро- и микроструктур идеологии // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 1. – С. 177–192. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-177-192.

Введение

Цель настоящей работы состоит в содержательной разработке возможного образа жизненного мира неолиберального субъекта. Жизненный мир в этой работе понимается как область повседневности, действия в рамках которой имеют допредикативный характер. Данная область формируется индивидуально за счет набора очевидностей, «переживаемых без вопросов» [16, с. 73]. Ключевой тезис автора состоит в том, что дискурсы идеологии воспроизводятся субъектом не только посредством осмысленного социального действия, но также и с помощью дорефлексивных ресурсов, способствующих совершению повседневных, «механических» практик. Иными словами, идеология не является предметом рационального выбора, она задает базовые параметры «здравого смысла», руководство которым пронизывает бытовую жизнь.

Исследование повседневности «способствует преодолению разрыва между “высокой” теорией ... и обыденным знанием о мире, представляя теорию социальных структур и теорию индивидуального сознания как единое целое» [13, с. 492]. Автором применяется интегративный подход, позволяющий рассматривать повседневное действие субъекта и довлеющую на него структуру (идеологию) в их взаимодействии. В этой связи в качестве отправной точки будет использован анализ Славоя Жижека, исследовавшего механизм функционирования идеологии на макро- и микроуровнях, опираясь на лакановский психоанализ. Жизненный мир работает таким образом, что в нем нет ничего трансцендентного, он всецело имманентен субъекту. В этом смысле вполне оправдано частичное отождествление психоаналитической реальности бессознательного и феноменологического жизненного мира – ни в том ни в другом случае

не существует отсылки к трансцендентному Абсолюту. «В естественной установке сначала (до рефлексии) нет ни предиката “реальный”, ни категории “реальность”» [20, р. 298] – всё существующее, будь то вымысел, искаженное сознание (с точки зрения классического марксизма – идеология) или психическое отклонение, воспринимается как преданная действительность.

Содержательная составляющая теории неолиберализма, в свою очередь, была изложена Мишелем Фуко в цикле лекций «Рождение биополитики» – данный труд можно назвать пропедевтикой к исследованиям неолиберальной субъективности. Причем присущее неолиберализму стремление к «дешифровке не-рыночных отношений» посредством экономического подхода [15, с. 301, 302] выводит нас в поле такой субъективности, которая принимает характер не столько абстрактно-теоретической модели, оправданной в целях регионального анализа, сколько конкретного социально-антропологического типа. Субъективность в фукианском понимании генетически связана с понятием правительственности. Правительственность поддерживается и воспроизводится посредством институционально зафиксированных дискурсов, оказывающих влияние на становление идентичности субъекта, в том числе на его самовосприятие. Наработки Фуко в упомянутой области будут использованы для конкретизации самого понятия неолиберальной субъективности во избежание ряда недоразумений, продуцированных вследствие вариативности понимания термина «неолиберализм».

Для начала будут рассмотрены и определены понятия неолиберализма и неолиберальной субъективности. Далее мы перейдем к анализу характерных особенностей, составляющих «костяк» названного типа идентичности; такой анализ будет производиться посредством онтологической оптики Люблянской школы психоанализа. В качестве эмпирического основания выдвинутых тезисов будет представлен краткий обзор социологических исследований сна (как одной из практик повседневности), в рамках которого могут быть воспроизведены неолиберальные дискурсы. В заключение определим ориентиры дальнейшей работы в данной области, представив рассуждения автора относительно перспектив не только исследований самой неолиберальной субъективности, но и возможности ее преодоления.

«Неолиберализм» и неолиберальная субъективность

Ростислав Капелюшников в статье «Приключения “неолиберализма”» критически рассматривает вариативное содержательное наполнение и, соответственно, употребление термина «неолиберализм» на протяжении истории развития исследований, использовавших «неолибера-

лизм» в качестве отправного понятия. Капелюшников приходит к следующему выводу: «“Неолиберализм” – слово-уникум: среди общеупотребительных понятий, активно используемых при изучении современного общества, похожих на него больше нет. Оно имеет чисто пейоративную окраску и используется в качестве псевдонима для обозначения абсолютного социального зла» [8, с. 45]. В чём с автором действительно можно согласиться, так это в том, что термин «неолиберализм» зачастую становится указателем «зоны интеллектуального комфорта» [8, с. 46] ряда теоретиков. Именно по этой причине существует острая необходимость в ограничении его исследовательской силы, а также в конкретизации самого понятия.

В социально-антропологических исследованиях понятие неолиберализма стандартно рассматривается в двух отличающихся смыслах: одни понимают неолиберализм в качестве «особой экономической системы», другие – в качестве правительственности [14, с. 10]. Однако между двумя названными способами понимания неолиберализма есть вполне однозначная преемственность: неолиберализм в качестве экономической системы продуцирует ряд дискурсов, воплощенных и воспроизводимых в социальных институтах, с помощью которых обеспечивается функционирование и легитимность неолиберальной правительственности. Показательным примером в данном случае выступает инаугурационная речь Людвига Эрхарда, директора Экономического управления Бизонии, которая была произнесена им в 1948 году [17]. Фуко использует эту речь для демонстрации первого практического неолиберального проекта, реализуемого на государственном уровне. Французский мыслитель акцентирует внимание на том, что у Германии после Второй мировой войны не оставалось ни моральных, ни исторических прав на восстановление государственной целостности [15, с. 107–109]. В этой связи свободный рынок, выступивший в роли «основного принципа и легитиманта» ФРГ [15, с. 275], пришелся как нельзя кстати. Рыночная экономика, закреплённая институционально, способствовала производству ряда дискурсов, которые отныне немцы могли считать не чем иным, как истиной, задающей изначальную конфигурацию «здорового смысла».

Неолиберальный субъект формируется с оглядкой на продуцированные институты, благодаря чему происходит трансформация идентификации такого субъекта. В качестве примера обратимся к образовательным институциям. Студент, помещённый в реалии современного университета, вынужден ориентироваться на ряд существующих в вузе системощерения. Например, балльно-рейтинговая система, влияющая на заселение студента в общежитие или на его стипендиальную поддержку, создает условия для формирования идентичности, нацеленной на конкуренцию

(поскольку места в общежитии ограничены) и испытывающей личную ответственность за достигнутый (или недостигнутый) результат. При этом рыночная логика распространяется на ряд нерыночных областей (в данном случае – на сферу образования), что способствует появлению квазирыночных институций; схожим образом всевозможные рейтинги и индексы становятся квазиденьгами [2, с. 110].

Субъект, ориентирующийся на работу таких институций, ценен постольку, поскольку оценивается другими [2, с. 110] – так наглядно воплощается в осязаемые формы теория предельной полезности, лежащая в основе неолиберальной теории стоимости. Иными словами, мотивационная установка такого субъекта связана с получением формального набора квалификаций, квантификаций или привилегий, в связи с чем, оказываясь в тематической ситуации, он непременно ориентируется на имеющийся у него объем знаний в категориях сиюминутной или долгосрочной *полезности*, но не, скажем, качества.

Однако приведенные выше доводы в пользу исследовательской оправданности использования понятия неолиберальной субъективности несколько не разрешают проблему вариативности не только самого термина «неолиберализм», но и ряда практик, способствующих появлению описанных выше социальных институций. И США, и, например, Польшу можно назвать неолиберальными государствами, однако реализуемые ими политико-экономические курсы существенно отличаются. Отсюда неолиберализм следует воспринимать как первоначальную интенцию, основополагающую философию, которая лежит у истоков правительственности в разных государствах.

Теоретическая подоплека проводимых практик сходится на довольно однозначном наборе положений. Их, как минимум, три: дерегулирование (в первую очередь в вопросах экономики), финансиализация корпораций как предупреждение развития корпоративной культуры. и в качестве следствия – формирование нового типа предпринимательской субъективности, реализуемой благодаря представлению о человеческом капитале [18, р. 13–28] (данный термин определяется как совокупность знаний, умений, навыков и «поток заработных плат» [15, с. 283, 284]).

Подведем промежуточный итог: понятие «неолиберализм» в настоящей работе будет пониматься в качестве философии особой экономической политики, институционально производящей характерную ей субъективность, которая, в свою очередь, определяется через понятие человеческого капитала. Такая философия содержательно нагружена вышеприведенными характеристиками (дерегулирование, финансиализация, человеческий капитал).

Онтологический регистр идеологии: взгляд Люблянской школы психоанализа

В понимании идеологии Жижек отходит от классического марксистского «искаженного сознания». Напротив, отныне сама социальная реальность задается посредством идеологических дискурсов. Иными словами, не существует никакой «настоящей» социальной эссенции, которая якобы располагается вне иллюзорного восприятия; альтернативный своему подход словенский философ называет «эссенциалистской иллюзией» [5, с. 104]. Бессознательные фантазмы, заданные идеологическими дискурсами, выступают в роли единственной доступной для субъекта реальности. Такая структуризация, согласно Жижеку, происходит за счет «пристегивания» разного рода «плавающих» означающих (например, «свобода», «равенство» или «демократия») к «узловой точке», которая является центром господствующего идеологического фантазма [5, с. 107, 108].

«Плавающие» означающие лишены означаемого, представляя содержательно различными в зависимости от характера конкретной идеологии, которая их использует. В данном случае постулируется своего рода номинализм, переложенный на рельсы марксистской критики идеологии и лакановского психоанализа. «Узловая точка», или «точка пристежки», — это, выражаясь понятиями из словаря структурализма, «пустая клетка»: она не имеет собственного актуального содержания (ее содержание — это потенциальности), однако «скрепляет» разные означающие, образуя фантазматическую структуру. «Точка пристежки» — это «такое слово, к которому сами “вещи” обращаются, чтобы уяснить себя в своей целостности» [5, с. 102]. Причем данные точки не имеют референции, они всегда имманентны бессодержательным означающим, сформированным вокруг них, т. е. тавтологичны [5, с. 105].

Жижек формулирует это на примере антисемитизма. В фигуре еврея антисемиты пытались обнаружить причину того дисбаланса, который вообще-то и составляет саму «ткань» общества [6, с. 117]. Вместо того, чтобы понимать современность как чистый антагонизм (а сообщество как то, чего не существует и не может существовать), общество понимается антисемитами как сбалансированная, гармоничная структура, подвергающаяся катастрофическим, разрушительным изменениям извне, т. е. со стороны *структурообразующей* фигуры еврея. Очевидно, что такая символическая фигура обладает исключительно виртуальным существованием: ее не существует в качестве объекта, но функционирует она именно как несуществующая; для того чтобы иметь силу или быть реальной, ей необходимо оставаться виртуальной. Виртуальность имманентной фигуры еврея — пусть и неотделимая от своей актуализации [3, с. 235] — подтверждается еще и тем,

что за ней не скрывается каких-то определенных качеств, т. е. фигура лишена референции, она не обладает специфической сущностью: «Дело во все не в том, что всё богатство вымышленных признаков, призванных характеризовать “евреев” (жадность, интриганство и т. п.), скрывает от нас то, “каковы они на самом деле”, их подлинную природу, а в том, что в антисемитских построениях “еврей” обладает чисто структурной функцией» [5, с. 105]. Равнозначно это работает и в случае с авторитетной фигурой, например, с фигурой диктатора. До тех пор, пока одного его взгляда достаточно для того, чтобы приказ был исполнен, такая фигура остается функционирующей, но применение реальной силы – например, в виде репрессий – расценивается скорее как акт бессилия. Итак, символическая фигура существует в качестве отрицания самой себя: она работает именно потому, что ее не существует в объектном смысле.

Схожим образом можно воспринимать и пропаганду. Слишком наивно было бы считать, что порой совершенно абсурдная пропаганда может содержательно трансформировать человеческое сознание в том очевидном русле, которое она, как кажется, норовит донести. Однако если понимать пропаганду как подаваемый государством *сигнал*, общая картина становится гораздо более внятной [19, р. 420]. Так, субъект, подверженный пропаганде, в сильной степени разнящейся с его частным опытом или результатами рефлексии, лишь подпитывает свои пессимистические настроения относительно актуальной политической ситуации, поскольку считает, что его сограждане в полной мере доверяют полученной посредством пропаганды информации. Как показывает социологическое исследование, проведенное на основе результатов опросов учащихся одного из китайских вузов, большинство студентов со скептицизмом относится к риторике, транслируемой посредством государственного медиа: «...если цель идеологического и политического образования заключается в том, чтобы сделать студентов более проправительственными (т. е. в индоктринации), то она очевидно провалилась» [19, р. 429]. Однако сигналом в данном случае выступает следующее: «Мы (государство) настолько сильны, что можем заставить народ поверить в любой бред»; иначе говоря, студенты не верят самой пропаганде, однако она убеждает их в силе правительственной машины. Таким образом, отрицание идеи пропаганды, воплощенное в сигнале, становится тем основанием, которое, во-первых, позволяет ей самой вообще существовать, во-вторых, поддерживает стабильность авторитарных государств. Пропаганда выполняет свои цели, однако не тем способом, каким мы привыкли объяснять подобные явления. За, казалось бы, наивной пропагандой (например, рекламой или постером) скрывается вполне определенный посыл, подобно тому как в фильме «Чужие среди нас» режиссера Джона

Карпентера: за баннером «Приезжайте отдыхать на Карибы» скрывается сообщение «Женитесь и размножайтесь».

Проецируя такую логику на ряд потребляемых нами товаров (например, кофе без кофеина – это отрицание самой идеи кофе, имеющее осязаемую оболочку), Жижек вслед за Лаканом формализует императив неолиберальной этики: «Наслаждайся!». Вместо ограничения на употребление кофе мы приходим к неограниченному потреблению кофе без кофеина [6, с. 122]. Между тем следует осознавать, что такое потребление не является потреблением в собственном смысле слова, поскольку подлинное потребление предполагает некоторый риск, открытие себя для влияния со стороны другого [6, с. 123]; очевидно, кофе без кофеина, безалкогольное вино или газировка без сахара, напротив, призваны снижать риск потребителя, ограждать его от вредного влияния извне. Для нас важно здесь то, что макроструктура идеологии, призывающая к наслаждению, воспроизводится самим индивидом на микроуровне. Либерализм в своей классической просвещенческой форме обнаружил инвариант всякого индивида – его частный интерес, или желание; неолиберализм радикализировал эту идею, преодолев необходимость всякого ограничения. Характеристика способа бытия товаров «вскрывает» для нас поле неолиберальной субъективности.

Несмотря на то что неолиберальный субъект оказывается институционально «заперт» в постоянной погоне за необходимыми для банального выживания условиями (вспомним пример со студентом и общежитием, получение которого возможно посредством высокого учебного рейтинга), он не столько переживает удовольствие от потенциальных и актуальных результатов такой погони, сколько само ее проистечение для такого субъекта становится смыслом-в-себе (собственно наслаждением). Неудивительно и то, что, когда попытка достичь приемлемого результата, отраженного в системах индексации, оказывается неудачной, субъект стремится преодолеть самого себя, «прыгнуть выше головы»; неолиберальные дискурсы не устают повторять, что каждый является творцом собственной судьбы, это значит, что каждый несет бремя собственных поражений.

С другой стороны, боль от невозможности достижения чего-либо концептуально вписывается в *наслаждение от погони*, составляя его принципиально важную часть, – это и есть «парадокс наслаждения» [10, с. 250]. Болезненное наслаждение, подпитываемое мимолетным удовольствием от попутно получаемых квалификаций и квантификаций, обосновывает себя в тесной связке с мотивационной установкой: наслаждение как принцип является потаенной точкой давления всякого рода рейтингов и индексов, представляющих собой исключительно формальную цель субъекта. Неолиберальная идеология институционально продуцирует

условия для возникновения и воспроизводства наслаждения, всякий раз призывая к первостепенности его получения всеми возможными методами, оперируя в первую очередь насущным: студент не просто получает койко-место, но еще и может наслаждаться процессом сколачивания высокого рейтинга, который в той или иной степени отражает его социальное положение. В конечном счете само наслаждение становится необходимостью, вытесняя собою потребности «голой жизни» (в понимании Дж. Агамбена). Наслаждение – это новая полезность, т. е. первичное утилитарное стремление субъекта.

С наслаждением, в свою очередь, коррелирует личная ответственность. Такая корреляция обнаруживается сразу на двух уровнях – индивидуальном и коллективном. Во-первых, наслаждающийся несет бремя ответственности перед самим собой за собственное наслаждение (в особенности это касается актов «подлинного» потребления, например курения); во-вторых, субъект, мешающий чужому наслаждению, несет ответственность за ограничение наслаждающегося. Идея радикальной личной ответственности, присущая теории неолиберализма, распространяется даже на такие поведенческие проявления, которые регулируются самим индивидом не в полной мере или не регулируются совсем.

Так, например, сопение или храп во время сна для партнера «храпуна» (snorer) становится стимулом для призыва храпящего к личной ответственности: «Я была утомлена тем, что не могла как следует выспаться... Я сказала ему: “Сделай что-нибудь с этим!.. Сходи к врачу, сбрось лишний вес”» [22, р. 1009]. В «храпуне», несмотря на его, в сущности, невольное положение, обнаруживается агентность, позволяющая его партнеру призывать к изменениям так, будто бы спящий способен контролировать свое поведение. Подобным образом анализ медиа, посвященных здоровью (в частности, крупнейших американских печатных журналов *Men's Health* и *Women's Health*), позволяет говорить о существовании дискурсов, отождествляющих сон со своеобразной работой над собой и своим телом [23]; в названном случае собственная агентность признаётся уже самим спящим. Рациональность субъекта выходит за пределы изначально данной ему сферы социального действия, отныне она сопутствует ему даже в тех пространствах, где ранее совершение действия было попросту невозможным.

Сон, понимаемый как работа над своим телом или труд, становится частью человеческого капитала. Посредством идеи человеческого капитала неолиберализм стремится преодолеть классический марксистский конфликт труда и капитала: отныне труд принадлежит самому человеку, он буквально встраивается в его внутреннюю структуру, труд сам по себе становится капиталом. Однако если мы понимаем общество как невоз-

можную структуру, пронизанную коренным противоречием, то и населяющих его людей следует воспринимать сообразно, т. е. в качестве отчужденных от своего труда и его продуктов. В отчуждении обнаруживается нечто конститутивное: человек вынужден быть отчужденным от своего труда; иными словами, вынужден испытывать нехватку. Лишенный присущего ему противоречия индивид, как ни парадоксально, оказывается в состоянии неустойчивости, дисбаланса, что и демонстрирует нам современная инверсия либерализма: «...временный контракт на деле вытесняет постоянные установления в профессиональных, аффективных, сексуальных, культурных, семейных, международных областях, в политических делах» [11, с. 157, 158]. Травма в лице отчуждения оказывается структурообразующей, устанавливающей единственно возможные отношения между производителем и тем, что он производит. Распространенные в современном социальном и гуманитарном знании вариации спекулятивного реализма, во многом повторяя теоретические построения неоклассической политэкономии [21], признают возможность консолидации и кооперации под эгидой «Великого Внешнего» [12], сообразного утилитаристской концепции всеобщей пользы и прочим возможным социальным инвариантам. Критическая оптика, напротив, требует обоснования объектно-дезорientированной онтологии, концептуализированной в трудах Аленки Зупанчич.

Зупанчич описывает объектно-дезорientированную онтологию как онтологию, которая «...не просто преследует бытие как бытие, но понимает его в качестве трещины (Реальное, антагонизм), которая пронизывает бытие изнутри, наполняет его» [24, р. 24]. Такая онтология понимается как дезориентированная посредством *objet petit a* [24, р. 24] – собственно объекта желания, невозможность достижения которого опосредует (болезненное) наслаждение. Принципиальное отсутствие объекта желания устанавливает необходимое – пусть и во многом трагичное – условие совместного, социального существования. Принятие этого условия делает возможным то, что Жижек назвал наиболее радикальным актом современности, – не-наслаждение, или выход за пределы институционально продуцированной погони, иллюзия необходимости которой поддерживается за счет особой идентификации субъекта в качестве «предпринимателя себя».

Заключение

Предложенная выше возможная трактовка жизненного мира неолиберального субъекта встречается как минимум с двумя методологическими трудностями. Первая трудность связана с изначальным онтологическим основанием критики идеологии со стороны Люблянской школы: «В ходе

рассуждений об идеологии и антагонистическом характере социальной реальности Жижек не только втягивается в давний и, похоже, неразрешимый средствами социальной науки (а потому идеологический и метафизический) спор о том, что является исходным и первичным фактом социальной жизни – согласие или антагонизм, но и недвусмысленно принимает точку зрения одной из сторон, а именно теории социального конфликта» [4, с. 17]. В этой связи справедлив разве что функционалистский аргумент: альтернативная оптика (или «параллаксное видение» [7]) позволяет зафиксировать встроенные в неолиберальную идеологию (равно как и в идеологию вообще) механизмы, явленные в том числе эмпирически. В конце концов, если наша цель состоит в преодолении неолиберальной субъективности, то ее достижение возможно только посредством радикальных онтологических мер. Радикальность, в свою очередь, предполагает фундаментальный разрыв, или диаметрально противоположность. Разумеется, такое противопоставление не должно быть методологически невыверенным или, что еще хуже, инфантильным.

Вторая трудность порождена субстанциализмом, который генетически связан с понятиями «структура» и «действие», используемыми в настоящей работе. Если мы воспринимаем идеологическую структуру как довлеющую над субъектом, то его независимое действие невозможно; равнозначно, если мы понимаем действие субъекта как свободный акт, способный преодолеть преданный идеологический фантазм, то невозможна и идеология. Формируется своего рода порочный круг, разрешение которого едва ли возможно в рамках мейнстримного интегративного подхода (с присущим ему эссенциализмом и редукционизмом [9, с. 111, 112]), о котором было заявлено во введении. В таком случае необходима деконструкция понятия структуры, или идеологического фантазма. Переосмысление места структуры возможно благодаря «узловой точке». Такая точка («пустая клетка») обосновывает себя не в качестве зафиксированной субстанции, но как множественность «плавающих» означающих, постоянное изменение соотношения ряда потенциальностей, их внешняя координация, опирающаяся в том числе на деятельность субъекта. Иными словами, лакановская трактовка бессознательного позволяет избежать «эссенциалистской иллюзии» в онтологическом понимании идеологии.

Подведем итог: преодоление неолиберальной субъективности возможно только при условии принятия принципиального разрыва (отчуждения) в качестве онтологического основания человека. Раздробленность, временность, неустойчивость, сопутствующие неолиберальному порядку, связаны с отсутствием непоколебимой верности субъекта самому себе в угоду *наслаждению от погони*. В данном случае следует мыслить диалектически: устойчивость и определенность возможны только в том

случае, если мы с достоинством признаем конституирующий нас антагонизм. Остановимся на том, что может предложить Бадью, – на верности «событийному процессу истины», воплощенному в императиве «Продолжать!» [1, с. 125].

Литература

1. Бадью А. Этика: очерк о сознании зла. – СПб.: Machina, 2006. – 126 с.
2. Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. – 2011. – № 1 (80). – С. 103–117.
3. Делёз Ж. Имманентность: некая жизнь... // EINAИ: Философия. Религия. Культура. – 2021. – Т. 10, № 1 (19). – С. 229–235.
4. Демин П.В. Идеология в эпоху «цинического разума». Трактат идеологии в работах Славоя Жижека // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2021. – № 4 (103). – С. 6–23.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.
6. Жижек С. Реальность виртуального // Vita Cogitans. – 2013. – № 7. – С. 111–126.
7. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Европа, 2008. – 516 с.
8. Капелюшников Р.И. Приключения «неолиберализма» // Логос. – 2022. – Т. 32, № 4. – С. 1–50.
9. Керимов Т.Х. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 109–130.
10. Лакан Ж. Семинары. Кн. 7. Этика психоанализа (1959–1960). – М.: Гнозис: Логос, 2006. – 416 с.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
12. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
13. Никитин С.А. Повседневность // Современный философский словарь. – Екатеринбург: Издательская книга; М.: Академический проект, 2015. – С. 490–492.
14. Ортнер Ш. Темная антропология и ее другие: судьба теории после 1980-х годов // Логос. – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 1–42.
15. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.
16. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2, вып. 1 (2). – С. 72–87.
17. Эрхард А. Путь в будущее // Эрхард А. Полвека размышлений: речи и статьи. – М.: Наука, 1996. – С. 56–81.
18. Feher M. Rated Agency: Investee Politics in a Speculative Age. – New York: Zone Books, 2018. – 232 p.

19. *Huang H.* Propaganda as Signaling // *Comparative Politics*. – 2015. – Vol. 47, N 4. – P. 419–437.

20. *Husserl E.* Experience and Judgement. – Evanston: Northwestern University Press, 1973. – 429 p.

21. *Kvachev V.* Unflat Ontology: Essay on the Poverty of Democratic Materialism // *Stasis*. – 2020. – Vol. 9, iss. 1. – P. 13–34. – URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/223346> (accessed: 18.05.2023).

22. *Zarhin D.* “You have to do something!”: Snoring, sleep interembodiment and the emergence of agency // *The British Journal of Sociology*. – 2020. – Vol. 71, iss. 5. – P. 1000–1015.

23. *Zarhin D.* Sleep, body work and bodily capital: Sleep discourse in the magazines *Men’s Health* and *Women’s Health* // *Sociology of Health & Illness*. – 2021. – Vol. 43, iss. 8. – P. 1851–1866.

24. *Zupančič A.* What is sex? – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2017. – 154 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023.

Статья прошла рецензирование 28.01.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-177-192

THE EVERYDAY LIFE OF THE NEOLIBERAL SUBJECT: THE INTERPLAY OF MACRO- AND MICROIDEOLOGICAL STRUCTURES

Gordok, Pavel,

undergraduate student of the 4th year,

Department of Philosophy at the Ural Institute of Humanities,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,

51 Lenina Street, Ekaterinburg, 620083, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9832-537X

gordok.kostanay@gmail.com

Abstract

Neoliberalism can be understood both as a practice of governance organized around economic norms of competition, flexibility and risk calculation, and as a technique of shaping and transforming modes of subjectivation. These two interpretations are closely intertwined: the institutions that capture neoliberal discourses become the starting point for the formation of a particular subjectivity known as human capital. At the same time, labour is understood very broadly: even pre-reflexive behavioural practices (e.g., sleep) are included in the idea of human capital. The purpose of this article is to analyse and criticise the neoliberal subject's image of the life-world. The life-world is understood as an area of everyday human activity within which the pre-predicative resources of "common sense" are at work. The author takes an integrative approach, combining ideological theory and the study of everyday life. M. Foucault's series of lectures, *'The Birth of Biopolitics'*, is used as the main source of content for the theory of neoliberalism. The critique of the neoliberal subject's life-world is carried out through the ontological argumentation of the Ljubljana School of Psychoanalysis. The imperative of neoliberal ethics calling for unlimited pleasure is clearly evident in the mode of existence of consumer products. A certain commodity exists as a negation of its own idea: non-alcoholic wine, for example, is a negation of the idea of wine itself. In this sense, pleasure is stripped of any barriers, but just as importantly, the process of its reception becomes a meaning-in-itself that is institutionally supported. Pleasure is linked to the structurally constitutive absence of the object of desire. Thus, a critical analysis of ideology actualises the category of alienation. The overcoming of neoliberal subjectivity is only possible through the acceptance of a fundamental rupture (alienation) as the ontological basis of identity, a position that has been called an object-disoriented ontology.

Keywords: neoliberalism, neoliberal subjectivity, governmentality, everyday life, ideology, discourse, agency, *jouissance*, object-disoriented ontology.

Bibliographic description for citation:

Gordok P. The Everyday Life of the Neoliberal Subject: The Interplay of Macro- and Microideological Structures. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 2, pt. 1, pp. 177–192. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-177-192.

References

1. Badiou A. *L'éthique: essai sur la conscience du mal*. Paris, Nous, 2003 (Russ. ed.: Bad'yu A. *Etika: ocherk o soznanii zla*. St. Petersburg, Machina Publ., 2006. 126 p.).
2. Dardot P., Laval C. Néolibéralisme et subjectivation capitaliste [Neoliberalism and Capitalist Subjectivation]. *Logos*, 2011, no. 1 (80), pp. 103–117. (In Russian).
3. Deleuze G. Immanence: une vie... *EINAI: Filosofiya. Religiya. Kul'tura = EINAI: Philosophy. Religion, Culture*, 2021, vol. 10, no. 1 (19), pp. 229–235. (In Russian).
4. Demin I.V. Ideologiya v epokhu «tsinicheskogo razuma». Traktovka ideologii v rabotakh Slavoya Zhizheka [Ideology in the Era of “Cynical Reason”. Interpretation of Ideology in Slavoj Žižek’s Works]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz = Politeia*, 2021, no. 4 (103), pp. 6–23.
5. Žižek S. *Vozvyshennyi ob'ekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Moscow, Khudozhestvennyi zhurnal Publ., 1999. 236 p. (In Russian).
6. Žižek S. Real'nost' virtual'nogo [The Reality of the Virtual]. *Vita Cogitans*, 2013, no. 7, pp. 111–126. (In Russian).
7. Žižek S. *Ustroistvo razryva. Parallaxnoe videnie* [Rupture’s Arrangement. The Parallax View]. Moscow, Evropa Publ., 2008. 516 p. (In Russian).
8. Kapelyushnikov R.I. Priklucheniya «neoliberalizma» [The Adventures of “Neoliberalism”]. *Logos*, 2022, vol. 32, no. 4, pp. 1–50. (In Russian).
9. Kerimov T.Kh. «Ontologicheskii povorot» v sotsial'nykh naukakh: vozvrashchenie epistemologii [The “Ontological Turn” in the Social Sciences: The Return of Epistemology] *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 109–130.
10. Lacan J. *Seminary. Kn. 7. Etika psikoanaliza (1959–1960)* [Seminars. Bk. 7. The ethics of psychoanalysis (1959–1960)]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2006. 416 p. (In Russian).
11. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 160 p. (In Russian).
12. Meillassoux Q. *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*. Paris. Éditions du Seuil, 2006 (Russ. ed.: Meiyasu K. *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti*. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2015. 196 p.).
13. Nikitin S.A. Povsednevnost' [Everyday life]. *Sovremennyyi filosofskii slovar'* [Modern Dictionary of Philosophy]. Ekaterinburg, Izdatel'skaya kniga Publ., Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015, pp. 490–492.
14. Ortner Sh. Dark Anthropology and Its Others: Theory Since The Eighties. *Logos*, 2022, vol. 32, no. 2, pp. 1–42. (In Russian).

15. Foucault M. *Naissance de la biopolitique : cours au Collège de France, 1978–1979*. Paris, Gallimard, Seuil, 2004 [The Birth of Biopolitics. Lectures at the Collège de France, 1978–1979] (Russ. ed.: Fuko M. *Rozhdenie biopolitiki: kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhi de Frans v 1978–1979 uchebnom godu*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 448 p.).
16. Schütz A. Nekotorye struktury zhiznennogo mira [Some Structures of the Life-World]. *Voprosy sotsial'noi teorii = Issues of Social Theory*, 2008, vol. 2, iss. 1 (2), pp. 72–87. (In Russian).
17. Erhard L. Put' v budushchee [The Path to the Future]. Erhard L. *Polveka razmyshlenii: rechi i stat'i* [Half a Century of Reflections: Speeches and Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 56–81. (In Russian).
18. Feher M. *Rated Agency: Investee Politics in a Speculative Age*. New York, Zone Books Publ., 2018. 232 p.
19. Huang H. Propaganda as Signaling. *Comparative Politics*, 2015, vol. 47, no. 4, pp. 419–437.
20. Husserl E. *Experience and Judgement*. Evanston, Northwestern University Press Publ., 1973. 429 p.
21. Kvachev V. Unflat Ontology: Essay on the Poverty of Democratic Materialism. *Stasis*, 2020, vol. 9, iss. 1, pp. 13–34. Available at: <https://www.econstor.eu/handle/10419/223346> (accessed 18.05.2023).
22. Zarhin D. “You have to do something!”: Snoring, sleep interembodiment and the emergence of agency. *The British Journal of Sociology*, 2020, vol. 71, iss. 5, pp. 1000–1015.
23. Zarhin D. Sleep, body work and bodily capital: Sleep discourse in the magazines Men's Health and Women's Health. *Sociology of Health & Illness*, 2021, vol. 43, iss. 8, pp. 1851–1866.
24. Zupančič A. *What is sex?* Cambridge (Mass.), MIT Press, 2017. 154 p.

The article was received on 15.01.2023.

The article was reviewed on 28.01.2023.